
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ. ОТ РЕВОЛЮЦИИ ДО НЭПА*

Soviet Russia.
From revolution to NEP

Политическая революция 1917 г. повлекла за собой и культурную, которая должна была приобщить к искусству народные массы и показать им художественными средствами преимущества новой жизни.

В 1917 г. были национализированы крупнейшие культурные объекты: музеи, театры, библиотеки, частные коллекции. В следующие пять лет открылись еще 250 музеев – быта, живописи, фарфора, мебели. Культуру объявили народным достоянием. К сожалению, пролетарии не восприняли дворянское искусство с уважением: было разграблено имущество в театрах и дворцах, испорчены и растащены памятники культуры и экспонаты, редкие библиотеки и архивы пропали бесследно. Да и власть без стыда раздаривала бесценные произведения и использовала их как валюту в заграничных сделках. Считалось, что скоро свершится мировая революция и все добро вернется на родину.

Разрушая старый мир, новая власть приветствовала и крах прежней морали. Шли дискуссии о ненужности любви и брака как пережитков капитализма. В Москве проводились вечера Обнаженного тела, а чуть позже образовалось общество «Долой стыд!» Церковные обряды преследовались, но возникла традиция «октябрения», когда младенцу давали революционное имя – Гегемона, Революция, Вилени или Ясленик (я с Лениным и Крупской), вплоть до труднопроизноси-

* Советская Россия. От революции до нэпа // История моды. – М., 2018. – № 76. – С. 1–47.

мых – Даздраперма (Да здравствует Первое мая!) и Оюшминаль (Отто Юльевич Шмидт на льдине).

Гонениям подверглась и наука, вызвав массовую эмиграцию. Авиаконструктор И.И. Сикорский, один из создателей телевидения В.К. Зворыкин и другие ученые бежали за границу. Кто-то приспособился к новому режиму, а кто-то идейно принял революцию.

Власть вскоре поняла, что без светлых умов новый мир не построить. Рабочих и крестьян брали в вузы без экзаменов и платы за обучение, им назначали стипендии. Привлекались преподаватели без высшего образования, но фанатично преданные революции. Инакомыслящих ученых, преподавателей крупных технических вузов – почти 150 профессоров – «гуманно» выгнали и выслали за рубеж. «Философский пароход» насильно увез две сотни историков, литераторов, философов, в том числе Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Л.В. Карсавина и других.

По-разному восприняли писатели и поэты новое время. Часть интеллигенции – с надеждой на положительные перемены, считая революцию всеочищающим вселенским катаклизмом. Но большинство литераторов настороженно восприняли перемены. А ломка гуманитарных ценностей приводила их в отчаянье. Максим Горький призывал беречь национальное наследие и возмущался гибелью здоровых сил страны в Гражданской войне. Не все смогли «вписаться» в новые рамки и стать частью революционного целого. Иллюзии и надежды развеялись в 1921 г. – знаковом для русской культуры, он принес смерть Александра Блока и расстрел Николая Гумилева. Этот год считается концом Серебряного века.

В 1919 г. был принят декрет, обязавший всех жителей от мала до велика обучаться грамоте. Даже в самых дальних деревнях появились избы-читальни, школы и кружки по ликвидации безграмотности. Народ тянулся к знаниям. Нет бумаги и книг, но можно писать углем на стенах, делать чернила из свеклы и заниматься при свете лучин. В народных библиотеках и клубах шли лекции, агитконцерты, ставились агитпьесы.

Просветительская и одновременно развлекательная миссия была у театров и кинотеатров. Как выглядит «пролетарское искусство», никто пока не знал, и старые пьесы ставились по-новому: в классический сюжет вклинивались аттракционы, акробатика, куплеты на злобу дня. Так как новое правительство поняло, что кино – «важнейшее из всех искусств», старые фильмы были запрещены, а новые подверга-

лись жесткой цензуре. Экранизировали классику, но только о бесправии трудящихся при царизме. Акцент делали, конечно, на агитационные фильмы. Для населения их демонстрировали бесплатно.

Короткая по времени эпоха нэпа оказалась совершенно уникальной с точки зрения смены моды, мировоззрения, психологии, социализации. Старые идеалы рухнули. Это понимали даже нэпманы – так пренебрежительно называли зажиточных людей – предпринимателей. Заявленный в период революции и Гражданской войны коммунистический аскетизм пасовал перед вновь появившимися нарядными витринами магазинов и ресторанов. Временное изобилие эпохи нэпа, пусть и доступное немногим, создало множество иллюзий и совершенно новые идеалы.

Идеалом стал так называемый «советский барин». У него не было ценившегося в царской России благородного происхождения. С одной стороны, этот человек нового-старого типа был предприимчив, хотел и умел быстро разбогатеть. С другой стороны, ключевым в понимании его психологии все-таки было слово «советский». Он уже был намертво связан с новой властью, каждую минуту готов был демонстрировать ей свою лояльность. «Советский барин» не мешал советской власти и мечтал, чтобы она больше не мешала ему. Он любил вкусно поесть, хорошо одеться, в качестве развлечений предпочитал рестораны, кинематограф, оперетту, варьете. В музыке, кино, литературе, искусстве мужчина эпохи нэпа выбирал все, что можно было отнести к легкому жанру. Подсознательно предчувствуя недолговечность вернувшейся почти нормальной жизни, он словно стремился напоследок наесться, напиться, нагуляться, развлечься. «...Нажраться пироженью рвотной,/ коммуны славя, расселись мещане», – высмеивал советских буржуа Владимир Маяковский в стихотворении «IV интернационал». Парадоксально, но именно Маяковский и стал во многом идеальным «советским барином». Одни Маяковского обожали, другие ненавидели, но все стремились ему подражать. Почему именно этот поэт оказался мужским идеалом эпохи нэпа? Он не имел знатного происхождения, т.е. его можно было считать «своим». Стихи Маяковского, особенно агитки в «Окнах РОСТА», казались неискушенным читателям простыми и понятными. Ему благоволила власть, значит, он был советским.

20-е годы XX в. – это время людей, родившихся на стыке веков и выросших вместе с революцией. Это время их молодости, период становления нового советского человека, мало знакомого с царским

режимом. Предприниматели жаловались, что они для государства являются пасынками. Действительно, все права гражданина были лишь у рабочих и крестьян. Из них делали новую элиту – приобщали к новой культуре, из которой вычищали чуждые социалистической идее направления, давали льготы и другие привилегии. Особенно остро стоял вопрос досуга молодежи.

Пример нэпманов, ведущих разгульную жизнь, пагубно влиял на рабочего человека. Многие уходили в загулы, оправдываясь тем, что и успешные предприниматели отдыхают подобным образом. Но в отличие от «советских буржуа» рабочие выбирали не рестораны, а пивные, где можно было поиграть в бильярд, азартные игры или устроить драку. Так, петроградские рабочие играли в карты столько же времени, сколько тратили на танцы, спорт и музыку вместе взятые.

Чтобы занять молодежь, ее активно вовлекали в массовые мероприятия – демонстрации, субботники, диспуты. Для них назначали небольшую стоимость на входные билеты в театры, музеи, организовывали бесплатные экскурсии. Но часто вместо похода в театр рабочие предпочитали посиделки с гармонью, вместо театра – кино, вместо похода в библиотеку – танцы. Изменение привычного уклада жизни давалось нелегко.

Писатель К.И. Чуковский в 1924 г. удивлялся, что в санатории для рабочих, где было организовано шестirazовое питание, идеальный порядок, ванны и лечение, рабочие были недовольны режимом. Они бросали окурки мимо специальных ящиков в саду, считали, что их мало кормят и норовили «удрать в пивную».

Сразу после революции 1917 г. большевики отменили частную собственность в городах и проводили принудительное уплотнение, подселая людей в квартиры богатых горожан. Очень скоро стало очевидным, что у государства нет денег на ремонт жилья, и в эпоху нэпа бывшие собственники были частично восстановлены в своих правах. Теперь они сами подселяли новых горожан, сдавая им жилье в аренду. Жильцов выбирали исходя из собственных представлений о порядочности.

Квартиры, которые оставались в ведении местных органов власти, стали называться «коммунальными». Жители коммуналок часто были очень пестрыми по составу, ведь в одну квартиру могли заселить и семью нового рабочего, устроившегося на завод, и бывшего военного, и представителя интеллигенции. Различия в менталитете жильцов

часто приводили к знаменитым скандалам на общей кухне, которая, как правило, была единственной даже в очень больших квартирах.

А в это время молодежь бредила идеями домов-коммун, где должны жить люди, объединенные общей идеей построения нового советского общества. Архитекторы проектируют дома, где предусматриваются общие спальни для одиноких и крохотные комнаты для мало-семейных. В них включаются общественные помещения – кухни и столовые, прачечные, ванные, «красные уголки», библиотеки и детская комната. В таких домах все меньше должно оставаться личного места, а ведение домашнего хозяйства в большой степени осуществлялось бы не семьей, а обществом.

Э. Ж.